Зелией, в окончательном тексте — Зинаидой Вольской) говорится лишь, что она «лишилась матери на шестом году от рождения», а «отец ее, человек деловой и рассеянный, отдал ее на руки француженки», когда ей было 14 лет, позднее «вывез ее в свет», затем выдал замуж за Вольского, который ей «не был противен», хотя женился на ней потому, что его тщеславию польстило то, что «Г **(осударь), встретив ее на Английской набережной, целый час с нею разговаривал» [1, т. 8(1), с. 39].

Как уже было сказано выше, в плане «L'homme du monde...» соединены ситуации обеих повестей («Гости съезжались на дачу» и «На углу маленькой площади»). Основная часть плана получила воплощение в первой повести. Но один из ее пунктов («Zelie aime un égoïste vaniteux... Son mari la repudie-elle est tout á bait malheureuse-Son amant, son ami...» намечает основные контуры второй, которая в процессе дальнейшей работы отделилась от первой, стала самостоятельным замыслом со своим особым планом [1, т. 8(2), с. 730].

Но этим не ограничиваются вопросы, которые возбуждают обе, в том числе первая из интересующих нас повестей. Оставив работу над ней в 1828—1829 гг., Пушкин в 1830 г. вернулся к этой работе, набросав диалог между двумя ее персонажами — Русским (Минским) и Испанцем [1]. В современных изданиях повести (начиная с 1930 г.), в том числе в Большом академическом полном собрании сочинений Пушкина, этот диалог печатается после двух первых главок повести под № III [1, т. 8(1), с. 41—42], причем в комментариях оговаривается, что связь его с двумя первыми главками предположительна. Между тем очевидно, что диалог, хотя он и был написан Пушкиным в 1830 г., предназначался им для нового варианта первой ее главки, где он должен был занять место после двух первых ее абзацев, хотя Пушкин и на этот раз не довел работу над повестью до конца. Это справедливо отметила уже упомянутая выше Е. С. Гладкова [2, с. 310].

Б. В. Томашевский высказал предположение, что, условно называя героя первоначального плана задуманной повести «L'homme du monde», Пушкин воспользовался для его характеристики названием романа Ж. Ф. Ансло (1794—1854) «L'homme du monde» («Светский человек», 1827; впоследствии этот роман был переработан автором в драму), самый образ героя которого повлиял на образы будущих героев поэта,— Минского и Володского [4, т. 6, с. 789]. Вряд ли предположение это, к которому Томашевский позднее не возвращался, обосновано: несмотря на то, что Пушкину был хорошо известен Ансло (и в особенности его книга «Six mois en Russie» (1827), которую он не раз упоминает [1, т. 17, с. 92] и которая сохранилась в библиотеке поэта [7, с. 132]), к образу холодного, эгоистического, тщеславного и раздвоенного душой светского человека Пушкин обращался и раньше — в разбросанных в «Онегине» характеристиках «большого света» и вообще души «современного человека». К тому же Пушкин в отличие от Ансло имел в виду человека русского, а не французского «большого света» (ср. название другой повести (романа?) Пушкина: «*Русский* Пелам»).

Зато из опубликованных Н. Каухчишвили [8] дневниковых записей Д. Фикельмон и анализа их, проделанного М. И. Гиллельсоном [3, с. 14—32], который показал, что при сопоставлении с записями Д. Фикельмон для многих из тех персонажей «Египетских ночей» и повести «Мы проводили вечер на даче», которые, хотя они прямо не названы Пушкиным или обозначены первой буквой фамилии, легко могут быть установлены их прототипы, следует, что та же задача встает перед исследователями повести «Гости съезжались на дачу», где ряд персонажей также обозначен первыми буквами своих фамилий.

То, что персонажи повестей «Гости съезжались на дачу» и «На углу маленькой площади» имели реальных прототипов, явствует уже из того, что, как давно установили исследователи, образ главной героини этих двух незавершенных

[1] Прототип Испанца во фрагменте «Гости съезжались на дачу» точно не установлен. Об испанских знакомых Пушкина см. [5, 6].